

— Слушай, отстань, а? Не верю я никаким гаданиям! Да еще и за деньги. Я ж не совсем идиотка, чтобы последнюю копейку за болтовню отдавать. — Леся сердито дернула плечом, отвернулась к мойке, начала яростно скрести металлической губкой по пригоревшему дну сковородки.

Черт, все котлеты из-за этой дуры Ритки спалила! Зачем-то позволила ей затащить себя в гости «буквально на одну минутку», проявила в очередной раз душевную мягкотелость. Нельзя, нельзя Ритке ни в чем уступать, сколько уже было подобных душевных приказов подписано, а толку? Все равно ж зашла и в томительные переговоры вступила с этой дурацкой гадалкой — которую Ритка в гости привела — и бляла что-то невразумительное, интеллигентское. Извинялась зачем-то. Как будто гадалке так уж важны причины отказа от процедуры насильственного

ВЕРА КОЛОЧКОВА

выуживания на свет чужого будущего. Она ж не за «спасибо», а за определенную мзду его выуживает. Пусть эту мзду Ритка сама за себя и платит, а ей подобные и сомнительные удовольствия не по карману. В общем, так долго отказывалась, что аккурат котлеты успели стореть. Что ж, сама виновата! Надо было сразу разворачиваться да уходить. Молча. Без извинений и объяснений. Всегда хорошее решение приходит задним числом, тащится хвостом досады за уже содеянным. А Ритка, дурища, еще и в кухню за ней притащилась: встала за спиной и теперь к совести ее женской взывает. Интересно, совесть-то тут при чем?

— Леськ, будь человеком... Жалко тебе, что ли? Чего ты отказываешься? Она ж недорого берет. Неужели тебе совсем неинтересно, что с тобой дальше будет?

— Нет, вообще-то мне интересно, конечно, только дорого. Ты где эту Матильду откопала, Рит? Да еще и домой ее привела...

— Да бог с тобой, Леська! — Выпучив глаза, Ритка воровато оглянулась на дверь комнаты, прошептала с жаром: — Ты что! Это же замечательная гадалка. И никакая она не Матильда, ее Мирославой зовут. Она же та самая. Которую по телевизору показывают. Ну, которая ночную передачу ведет. Как ее?..

Любовь не помнит зла

— «Уроки судьбы»? — подсказала Леся, продолжая с остервенением драить сковородку.

— Точно... «Уроки судьбы». А ты что, тоже эту передачу смотришь?

— Нет. Не смотрю. Видела один раз, когда Илька с температурой под сорок лежал, а я уснуть боялась. Там она вроде посимпатичнее была и улыбалась очень уж душевно, даже помурлыкать хотелось в экран. А к тебе в гости совсем другая приперлась. Облезлая, старая и злая, и в каждом глазу по пятьдесят долларов светится. В итоге сто получается.

— Так там же, на телевидении, им грим накладывают, прежде чем перед камерой посадить. А что, тебя только ее внешность смущает?

— Да ничего меня не смущает. Отстань, а? Видишь, из-за тебя мы с Илькой без ужина остались? Все котлеты сгорели! Теперь придется в магазин идти.

Вздыхнув, Рита шагнула к холодильнику, вытащила из морозилки упаковку сосисок, в сердцах бухнула на кухонный стол. Звук получился сердитый, холодный и глухой.

Леся вздрогнула, обернулась от мойки:

— Ты чего там буянишь, Рит?

— Твой Илька сосиски больше любит, я знаю. Так что фиг с ними, с котлетами. Считай, что вопрос с ужином снят. Ну пошли?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Отстань. Никуда я не пойду.

— Имей совесть, Леська! Понимаешь, я ей обещала, что еще кого-нибудь приведу. Она бы из-за меня одной ни за что не пошла! Выручи, Лесь...

— Рит, ну не могу я! Не понимаешь, что ли? Откуда у меня лишних сто долларов? Я тебе за комнату триста плачу, а зарплата у меня — сама знаешь...

— Ладно, хрен с тобой. Уговорила. Пусть будет сто долларов в счет квартплаты. Вместо трехсот отдашь двести.

— Да я ж не к тому...

— А я к тому! Хватит со сковородкой обниматься, пошли уже!

Сбитая с толку таким поворотом событий, Леся легко позволила Ритке оттащить ее от мойки и впихнуть в дверь гостиной. Гадалка Мирослава, растекшись грузным телом по Риткиному дивану, мирно закусывала чем бог послал. Неплохо послал, кстати. Прямиком из Риткиного холодильника. Та всегда вкусную еду про запас держит. Стратегический гостевой пакет, в котором имеют место быть и крабы, и красная икра, и всякие игрушечные баночки с такими же игрушечными огурчиками-помидорчиками.

Кокетливо утерев уголки напомаженного рта большим и указательным пальцем, гадалка доже-

Любовь не помнит зла

вала деликатесную вкусноту, сделала последний контрольный глоток, потом приказала Ритке сурово:

— Убери все со стола, чтоб ничего, чтоб ни крошечки не осталось.

Потом, развернувшись толстым животом к Лесе, кивнула одобрительно:

— Хорошо, что ты все-таки надумала. На меня еще никто не жаловался. Слушай, что говорить буду, и верь. Я и без карт уже вижу, что плохого за тобой нет. Чистая ты до убогости, потому и обиженная.

— В смысле — до убогости? Вы что имее-те в виду? — подняла на нее удивленные глаза Леся. — Вы хотите сказать, что я глупая, да? Или больная-нищая?

— Хм... Почему сразу глупая? Я наоборот, я в хорошем смысле. А ты думаешь, убогими одни только глупые да нищие бывают? Как бы не так... Убогий — это который рядом с богом.

Вздыхнув, она извлекла невесть откуда, как фокусник, старую колоду карт, сосредоточилась на секунду и, дрогнув полными щеками, начала ловко выкидывать их по одной на стол. Карты плюхались тяжело рубашками вниз, как масляные холодные оладьи, и Мирослава вглядывалась в них сосредоточенно, сурово сведя

ВЕРА КОЛОЧКОВА

широкие брови к переносью. Леся тоже начала вглядываться, придав лицу выражение заинтересованности, будто и впрямь что-то понимала в этом действе. Хотя, как она подозревала, ничего особенного в этом гадании и не было. Они в детстве с девчонками тоже, бывало, на картах гадали и присваивали выпавшим на круг королям имена знакомых мальчишек. Сережка из шестого «Б» — крестовый король, а Дениска из седьмого «А» пусть уж, так и быть, червовым будет... В данный момент, как она ни вглядывалась, ни одного короля в Мирославиных руках так и не промелькнуло. Ни бубнового, ни крестового, ни захудалого червового. Дамы были в полном составе, а королей — хоть шаром покати. Зря только Ритка пожертвовала на нее сотню долларов. Лучше б деньгами отдала. Можно было бы Ильке новые ботинки на зиму купить. А так...

О господи! Стоило ей подумать только, и короли эти тут как тут явились! И бубновый, и пиковый выпали, сложились рядышком. Что ж, интересно. Пожалуй, стоит послушать, коли такой разврат пошел.

— Тяжело живешь, вижу, с трудом свою лямку тянешь. Чужое дитя воспитываешь, — монотонно проговорила Мирослава и замолчала, задумавшись.

Любовь не помнит зла

Леся хмыкнула про себя, но снаружи недоверия не выказала. Ладно, пусть дальше чешет. Послушаем. А про трудную жизнь, лямку и чужое дитя гадалка Мирослава могла и от Ритки узнать. Хотя какой Илька чужой? Он не чужой, он племянник.

— ...Все у тебя было раньше. Как по писаному было. А потом ничего не стало. Коришь себя да проклинаешь, а только не виноватая ты. Злодей пиковый в твоих бедах виноват. А ты — нет, ты душой чистая. Хоть и была в одержимости, а душенька чистой осталась.

Мирослава поджала губы, нахмурила лоб. Потом долго еще смотрела в раскинутые по столу карты, кивала медленно и многозначительно, будто готовясь произнести самое важное. Наконец выдала оптимистической скороговоркой:

— А знаешь, все у тебя снова будет, милая! То же самое тебе на второй круг падает. И утерянное вернется, и даже больше вернется, чем думаешь. Через пикового злодея и вернется. Хотя нет, не через него, пожалуй... Пусть он и рядом. Через чужое дитя вернется. Ты просто перетерпи, милая. Холодно тебе, а ты терпи. Живи, как трава под снегом, и терпи! Пригнись. Видела, как майский снег на траву падает? Какая травинка затихла

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и пригнулась, та и выживает. И ты жди. Чужое дитя тебя к светлому теплу приведет.

— Это что значит? Она снова замуж выйдет, что ли? — ревниво подала голос со своего места Ритка.

— Так на то воля злодея будет... Хорошая воля. Да и злодей не злодеем обернется... — лукаво глянула на нее Мирослава и коротко пожала плечами: чего, мол, тут непонятного. И для достоверности ткнула пальцем в самую сердцевину карточного расклада и постучала острым ногтем по замасленному лицу пикового короля. — Видишь, рядом с ним десятка пик легла? Ну вот. А в ногах — бубновая жизнь...

— Хм... Ничего не поняла! — капризно переспросила Ритка, внимательно вглядываясь в карточный круг. — Это что значит, Мирослава? Про злодея-то? Странно даже. Какой же он злодей получается, если по его воле Леська таки мужика себе найдет? Всем бы такую злодейскую волю! А мне, значит, ни злодея, ни мужика самого завалившего не выпало... Так, что ли?

— А у всех судьба разная, милая. Ты в прибитке живешь, и бога благодари. А ее снегом обсыпало. Ступаешь — и больно.

— Кому? Кому больно? — с тихим раздражением переспросила Ритка, подняв тяжелые глаза на гадалку.

Любовь не помнит зла

— Так траве... Той, которая под снегом...

Леся сидела, стараясь не вслушиваться в эту галиматью. Для того хотя бы, чтоб не заплакать. Потому что очень уж лихо Мирослава относительно травы под снегом высказалась, не убавишь и не прибавишь. А остальное — чушь собачья. Про светлое тепло, про злодея. Особенно про хорошую волю этого злодея, которая должна для нее семейное счастье определить. Ага, сейчас. Больше этому злодею делать нечего, как о ее счастье заботиться. Чего-то напуталось в этом месте у гадалки Мирославы, точно напуталось. Карты не так легли. И Риткино раздражение совершенно напрасно изливается досадливой завистью. Что ж, ее тоже можно понять — зря за гадание платила? За то платила, чтобы вызнать все про чужого злодея, который ее жиличке прекрасное семейное будущее обеспечит? Нет, ну точно, галиматья.

— Все, больше гадать некому, Рита? Желающих больше нет? — деловито собрала со стола карты Мирослава и быстро глянула на Лесю ждущими алчными глазами. Чего расселась, мол, деньги давай.

— Леськ, неси свои сто долларов! — на лету подхватила Мирославину алчность Ритка. —

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Чего сидишь, уши развесила? Еще одного короля ждешь?

— Так мы же вроде... — предприняла Леся попытку напомнить ей о давешних благородных зачетных соглашениях, но тут же и осеклась. Чего это она, в самом деле? Ритку не знает, что ли?

— Ага, размечталась! А вот этого не хочешь? — с готовностью выставила Ритка перед ее носом фигу. Фига получилась очень выразительная, с багровым идеальным ногтем, с нервно двигающейся туда-сюда фалангой большого пальца. Произведение искусства, а не фигу. Леся отодвинула от нее на всякий случай лицо, покачала головой то ли обреченно, то ли с пониманием. А может, и так и этак. А что, бывает же. Особенно если человек живет себе слабой травой, мерзнет под снегом. И ничего ему не остается делать, кроме как заниматься пониманием да обречением перед каждой самоуверенной фигой.

— Ты, значит, будешь вся при мужиках да при злодеях, а я за это платить должна? — пояснила свою позицию Ритка. — Мне, значит, пусто, а тебе густо? Так, что ли? Крутой бульон из-под яиц получается?

— Да ерунда это все, Рит... — начала было оправдываться Леся, но тут же осеклась, заметив обиженное лицо Мирославы. Хотя не столь оно

Любовь не помнит зла

было обиженным, сколько грустно насмешливым. Тяжело поднявшись с дивана, она произнесла тихо, поправляя складки черной атласной блузки-разлетайки, плавно переходящей в широкую с вензелями и блестками юбку:

— Да заплати, заплати, не жалея. Потом вспомнишь, что я тебе сказала, и благодарна мне будешь.

— Хорошо. Я сейчас принесу, — покорно поднялась из кресла Леся. — Спасибо вам.

— Спасибо за гадание не говорят. Ты пойми, совсем не брать я тоже не могу... Знаю, что последнее отбираю, а не могу. Я ж не целительница, я гадалка. Да и вернется тебе, сто раз вернется.

Стодолларовая бумажка была и впрямь последней — лежала в дальнем отделении кошелька, заныканная от своих же глаз. Не то чтобы тупо впрок, а так, просто на всякое «вдруг». Непредвиденное, пугающее. Хотя как может защитить от этого непредвиденного и пугающего жалкая стодолларовая бумажка? Разве что символически, одним фактом присутствия в дальнем отделении кошелька. А раз так, то и бог с ней. Хотя лучше было бы Ильке новые зимние ботинки купить.

Мирослава ждала Лесю в прихожей, уже одетая в короткую норковую шубейку. Молча вытянув из Лесиной руки заветную купюру, Миросла-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ва тут же сунула ее в карман и шагнула за порог, не попрощавшись. Шибануло в нос крепкими цветочными духами, дрогнул и тихо звякнул от хлопка двери декоративный колокольчик в проеме кухни. Другой колокольчик, уже побольше и потяжелее, висел в дверях гостиной, но его расшевелить было уже не так просто. Если только лбом об него шарахнуться. Ритке-то, в отличие от нее, было хорошо, она ростом не вышла, а Лесе постоянно приходилось получать от него тычки за свою долговязую рассеянность. Семь лет она здесь жила квартиранткой, и семь лет билась об эту примочку, когда заглядывала в хозяйскую гостиную за разной надобностью.

Ритка вообще была любительница всяких приспособлений, которые по всем канонам фэн-шуй обязывались приманивать в дом семейное замужнее счастье. И зеркала у нее висели по особенному, и кровать стояла в нужном месте, чтоб спать головой куда надо, и стеклянные пирамидки вкупе с фарфоровыми ангелочками красовались везде, куда ни плюнь. Даже работу она себе нашла «на дому», чтоб не растрчивать свое потенциальное домохозяйское счастье на офисную карьеру. Была Ритка по профессии бухгалтером, обслуживала несколько мелких фирм, ходила сдавать квартальные отчеты в на-

Любовь не помнит зла

логовую четыре раза в год, особым трудом себя не напрягая. Но счастье все равно запаздывало. Загуляло где-то Риткино счастье в лице приличного мужчины, способного довести бедную девушку до Дворца бракосочетания. А заводить абы каких и ни к чему не обязывающих отношений Ритка не хотела. Как она объясняла, чтобы время зря не терять и святое место будущего супруга не осквернять паскудным адюльтером. Потому и Лесю с Илькой она на постой пустила, что никоим образом они ее личную жизнь не нарушали по причине отсутствия таковой. Как Ритка полагала — временного отсутствия. Да и Лесины деньги, вносимые ежемесячно за съемную жилплощадь, лишними в хозяйстве не были. «Живите пока, — гостеприимно распахнула она двери третьей, никак ею самой не используемой комнаты, самой маленькой, кстати. — Но как только замуж соберусь, чтоб в один день шмотки повязали и исчезли. Я скажу, когда надо будет исчезнуть. И не пиши, что с малым дитем тебя на мороз выкинула, поняла? Уговор такой».

Леся тогда, конечно же, на все Риткины условия быстренько согласилась — деваться было некуда. А про себя подумала: не зря говорят, что нет ничего более постоянного, чем заранее оговоренное временное. Потому что шансов занять

ВЕРА КОЛОЧКОВА

счастливую семейную жизнь у Ритки было совсем уж маловато. Природа, когда ее человеческий облик лепила, не то чтобы посмеялась, а, скорее, похихикала тихо. Или, может, в этот момент в кривое зеркало с бодуна смотрелась. Потому и не поскупилась на диспропорции. Нет, все тут было очень даже по-женски соблюдено — и до минимализма узкие плечи, и широчайший зад, и ноги-руки из своих положенных мест произрастали, но присутствовала при этом огромная какая-то неувязка. Может, хлипкий Риткин верх слишком уж резко переходил в мощный округлый низ, может, руки были некстати полноваты, а ноги, наоборот, удивительным образом для низа худы... А если прибавить к этому еще и природную буйную волосатость, которая доставляла бедной женщине массу неудобств, и нос аккуратной картошечкой, и узкогубый рот, и маленький кошачий подбородок, то ничего и не оставалось, как только пожать плечами в сторону затейницы-природы да обратиться к ней мысленно с вопросом: «Сама-то хоть знаешь, чего наделала?» Правда, глаза у Ритки были хороши, тут уж к природе никаких претензий не было. Видно, напоследок уже опомнилась. Глаза у Ритки были как у княжны Марии Болконской — большие, глубокие и лучистые. Правда, у толстовской княжны эти

Любовь не помнит зла

лучи были теплые и светлые, чего уж о Риткиных «лучах» никак нельзя было сказать. Холодные они были и колкие, на жизнь несправедливую обиженные. Хотя в те редкие моменты, когда брезжила на горизонте надежда, выдавали они все, что природой было задумано, — и тепло, и свет, и таящуюся в глубине и ждущую своего часа мягкую счастливую женственность.

Обидно только, что надежда соизволила брезжить для Ритки нечасто. Да и не сама по себе она являлась как таковая, а выуживалась на свет из разных источников исключительно Риткиными руками. Из Интернета, например, с сайта знакомств. Вот уже семь лет Леся была свидетельницей этих знакомств — у каждого своя история, да такая, что хоть садись да роман пиши. С прологом и грустным эпилогом. А два года назад Ритка даже в Италию умудрилась съездить по гостевой невестинской визе. Целый месяц там прожила. Леся по прошествии этого месяца струхнула было, начала вещички потихоньку собирать. А потом Ритка вернулась — взбудораженная вся. Трещала захлеб про прекрасную страну Италию, где была да что видела, но про жениха — ни слова. Леся и не спрашивала, на рожон не лезла. Чего спрашивать? И так все ясно. Потом на горизонте появился вдовец с двумя

ВЕРА КОЛОЧКОВА

детьми, потом холостой маменькин сынок промелькнул, потом чуть к брачному аферисту в лапы не попала, да разглядела его сволочизм вовремя. И все. И ничего больше стоящего. Так, бегала на какие-то свидания по мелочи. Подружки у Ритки были из числа сердобольных и замуж крепко пристроенных и с удовольствием принимали участие в Риткиной судьбе, отыскивая ей где ни попадя холостого кавалера. И рекомендовали. И хвалили. И телефон Риткин давали. А потом цокали языком в телефонную трубку: ну надо же, мол, несправедливость какая и что им, этим мужикам, еще надобно...

Леся в глубине души Ритку очень жалела. И уважала по-женски — она бы точно так не смогла, выдержки бы не хватило. Будь у нее даже своя квартира — все равно не смогла бы. Да и кому она нужна, пусть бы и с квартирой?.. Осколок разбившейся жизни, вот она кто. Правду говорила гадалка Мирослава — все у нее было, а теперь ничего за душой не осталось, кроме племянника Ильки. Кстати, о племяннике. Время семь часов, а он где-то бродит... Надо бы выбрать время да в школу сходить. А вдруг у него там неприятности? Хотя нет, пока идти не стоит. В прошлый раз на родительском собрании деньги собирали, а у нее не было. И сейчас нет. На га-

Любовь не помнит зла

далку последние потратила. Идиотка легкомысленная. Нет, что это за зверство такое — каждый раз деньги на ремонт школы собирать? И где он, этот ремонт, покажите? Прямо грабеж с разбоем посреди бела дня.

Вздохнув, она со злостью схватила лежащий на столе пакет с Риткиными сосисками, запихнула в морозилку, от души хлопнув дверцей. Не надо ей подачек, раз так! Подойдя к плите, открыла крышку кастрюли — картошка давно уже разварилась. Сейчас Илька придет, а она ему эту картошку под нос... Нет, он ничего не скажет, конечно. Съест молча. Еще и спасибо скажет, проглотив эти тоскливые углеводы. Но она-то, она-то распрекрасно знает, как сильно растущему организму белки необходимы! А если знает, надо гордость да обиду спрятать в одно потаенное место и не побрезговать Риткиной щедростью. Тем более что Ритка не оценит этого поступка. Слопает сосиски сама за милую душу и глазом не моргнет.

Нет, по самому большому счету она неплохая баба, эта Ритка. Просто не везет ей. А живут они с ней, можно сказать, душа в душу. Если действительно по большому счету. А малым счетом и кочевряжиться не стоит при нынешних сложившихся обстоятельствах. Черт бы их побрал,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

эти обстоятельства. И черт бы побрал эту хреновую ясновидицу — разбередила-таки душу! Ну да, действительно, было у нее все, конечно же, было. А только не ее это дело. Еще и советы дурацкие дает про майскую траву... Тоже нашла чего советовать! Пригнись, мол, и жди, когда снег растает! Такое и всякий дурак посоветовать может, коли другого ничего не остается. Неуместный совет получается, когда ты одна-одинешенька на всем белом свете, и ума у тебя не палата, и племянника надо белками кормить, и за комнату платить, и тянуть как-то лямку, которую на заре жизни тянуть никто не учил... Мама, папа, почему вы меня этому не учили? Почему бросили, ушли в мир иной, оставив одну на холодном ветру?

Леся шмыгнула носом, с досадой отгоняя жалость к себе, и принялась выуживать из кастрюли разваренные картофелины. Немного подумала и шагнула к холодильнику, достала упаковку с сосисками, сердито разодрала толстую вакуумную упаковку. Как плохонькая тигрица, добывшая кусок мяса своему детенышу. Бросив три сосиски в воду из-под картошки, подумала, потом бросила еще одну. Себе. Эта последняя сосиска совсем уж доконала ее: кухня поплыла перед глазами, извиваясь сквозь слезную плену причудливыми плавными формами. Даже

Любовь не помнит зла

захотелось поплакать в голос — что же это со мной творится, мамочка с папочкой? Как жить дальше, как тянуть непосильную лямку? Одними воспоминаниями жить и остается. Да, все у нее было. Действительно было...

* * *

Жили они бедно, но весело. Квартирка была для семьи из четырех человек маленькая, всего лишь кирпичная «хрущоба» с двумя комнатами-клетушками, зато дом находился в хорошем месте — выходишь из подъезда, и городской парк начинается. Гуляй — не хочу. В маминой-папиной комнате, по совместительству служившей и гостиной, стояла старая, но добротная мебель, и потому менять ее ни у папы, ни у мамы не возникало никакого резону: диван-книжка исправно распахивался на ночь, двустворчатый шкаф с тяжелым зеркалом стоял себе на толстых ножках и вмещал ровно столько одежды, сколько было в доме, и даже круглый стол, плотно занявший место посреди комнаты, послушно превращался при необходимости в длинный и овальный, и скатерть на нем стелилась нарядная, из прабабкиных запасов, холщовая, в едва заметную крапинку из ниточных узелков, которые отчего-то воспроти-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

вились процессу отбеливания и предпочли прожить свой вещный век в натуральном дерюжном цвете. Мама очень гордилась этой прабабкиной скатертью. Говорила, что от нее идет особая энергетика ушедших поколений. Хотя ни одного прославившегося или знаменитого у них в семье в тех поколениях не водилось. Обыкновенные все были люди, земские врачи да сельские учителя, бухгалтеры да юристы. И мама с папой тоже были обыкновенные, рядовые, с инженерными специальностями. И прочно за них держались даже тогда, когда весь народ со своих насиженных научно-исследовательских стульев сорвался и дружно рванул в капитализм за лучшей долей. Не захотели папа с мамой жить, как все порядочные люди, в материальной озабоченности. Говорили — духом проживем. И детей научим

И действительно — учили. По крайней мере, старались. Девочки, старшая Александра и младшая Олеся, а по-домашнему Саша и Леся, росли здоровыми и крепкими, как два огурца на грядке под солнцем. Каждое раннее утро, даже святое для детского сна воскресное, под руководством папы обтирались мокрыми жесткими полотенцами, завтракали полезной овсянкой, после школы ходили в бесплатную, чудом сохранившуюся детскую изостудию при Доме культуры желез-

Любовь не помнит зла

нодорожников. А еще знали наизусть много чего хорошего из детской классики, с самого раннего детсадовского возраста шпарили на утренниках Агнию Барто и Корнея Чуковского так, что от звуков отскакивало. Особенно преуспевала в развитии верткая Саша, а Леся за сестрой чуть опаздывала. Саша в пять лет уже читала бегло, в восемь Агнию Барто в сторону отставила, перескочив на классическое подростковое чтение — Майн Рида и Фенимора Купера, — а потом и вовсе начала читать все без разбора. Вернее, ей казалось, что без разбора. Родители, конечно же, тактично подсовывали ей именно то, что, по их разумению, нужно было, и зорко следили за тем, чтоб не попало в этот стремительный водоворот развития интеллекта ничего пошлого. Потому что, не дай бог, не удастся привить ребенку вкус к хорошей литературе. Это была бы совсем уж катастрофа, как искренне полагали мама с папой. Действительно, как же бедный ребенок в таком случае дальше жить будет? Без хорошей литературы-то?

Леся, когда подросла, к огорчению родителей, к чтению не пристрастилась. Как они над ней ни бились. А потом, перестав огорчаться, родители отступили, рукой махнули. Ребенок здоровый, веселый, жизнерадостный — и без интеллектуальной загруженности обойдется. Другая у нее

ВЕРА КОЛОЧКОВА

дорога, значит. Тем более к пятнадцати годам превратилась Леся из невзрачного подростка в настоящую красавицу, хоть на подиум иди. Правда, до подиума дело не дошло. Тут уж мама с папой не то чтобы воспротивились, а выставили хитрое условие относительно достижения дочкиного совершеннолетия, втайне надеясь, что как раз к совершеннолетию эта блажь и пройдет. На том все и успокоились, объединенные общей радостью, Саша в тот год с блеском сдала вступительные экзамены в университет на бесплатное бюджетное место, подтвердив тем самым правильность родительского выбора относительно духовных жизненных приоритетов.

Они очень любили друг друга, мама с папой. Сидели вместе, как в песне поется, на белом облаке, держась за руки и свесив ножки. Счастливые, абсолютно нашедшие друг друга люди, добрые, ребячливые, всегда чем-то восхищенные. «Оля! Оля! Иди скорее в комнату! По телевизору Любарова показывают!» — с выпученными от восторга глазами появлялся в дверях кухни папа, и мама бросала стряпню — гори оно огнем в самом буквальном смысле! — и мчалась вслед за папой в комнату, и оба замирали у телевизора, внимательно вслушиваясь и зорко всматриваясь в экран. Из своей комнаты прибежала Саша, тоже

Любовь не помнит зла

становилась в этом ряду, тоже вслушивалась и всматривалась. И Леся тоже смотрела — из уважения к их приткому духовному интересу. Там, на экране, был дядька как дядька. Из деревни Перемилово. Хотя не простой, конечно, дядька. Художник. Голова не стриженная, глазищи большие и грустные, лицо худое и одухотворенное, чуть порченное простительной для гения пагубной привычкой. Потом камера под комментарий корреспондента выхватывала его картины, и Леся едва заметно пожала плечами — господи, ерунда какая... Чем они так дружно восхищаются, интересно? Какие-то деревенские мужики и толстые краснолицые бабы, то ли пляшут, то ли над полем летят, а то и вовсе среди облаков плывут, и на настоящих женщин и мужчин совсем не похожи, а просто будто похулиганил немного художник. Она в детстве и то лучше рисовала...

— Нет, ты посмотри, Паш, чудо какое!.. — с придыханием говорила мама, положив руку на грудь. — Он же по самому лезвию ножа идет и держится! Просто изумительный, просто гениальный баланс... Это ж надо, так суметь прочувствовать абсолютно тончайшую грань между карикатурой и примитивизмом и плясать на ней. Было бы на чем! Воистину дух живет в этом художнике неисчерпаемый,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

удивительный. А ведь такая же тварь земная и человеческая, как мы все.

— Да, да, ты совершенно права, Оленька, — тихо вторил ей папа, не отрываясь от экрана телевизора. — Удивительное, просто потрясающее явление этот Любаров...

Камера, будто услышав про дух, вновь развернула объектив к лицу бородатого художника, и мама, чуть подавшись вперед, ойкнула испуганно, увидела, будто этот самый дух, о котором толковал папа, идет через экран прямо к ней, Саша медленно покачала головой, полностью одобряя мамин восторг и не отрывая взгляда от худого бородатого лица с острыми глазками. Ей тоже было все понятно и про лезвие ножа, и про чуткий талант, и про необыкновенный дух художника. Леся чувствовала себя в такие моменты совсем неловко, будто чужая им была. Стояла тихонько за их спинами, сопела уважительно. Нюхом чуяла, как на кухне котлеты горят. Но с места ступить не смела, боялась нарушить момент истины. А потом репортаж с выставки оборвался, уступив место другим новостям, и разом ушел из комнаты дух вместе с истиной, и мама, ойкнув, опрометью бежала на кухню к сгоревшим котлетам, папа пошел по своим делам, а Саша села за письменный стол под лампу

Любовь не помнит зла

с зеленым стеклянным абажуром, в круге света которого были навалены горой учебники и мелко исписанные тетради с конспектами. Глядя на нее, Леся думала: и охота же ей так над книжками пропадать?

Нет, вообще она Сашу очень любила. И гордилась старшей сестрой-отличницей. Искренне гордилась, с большим удовольствием. И даже более того, охотно признавала свою сестринскую вторичность. И даже когда Саша, насмешливо улыбаясь, говорила о том, что «насчет большого умца для младшенькой боженька поскупился», не обижалась, а подтверждала сей факт мимолетной улыбкой. Ну да, поскупился. Не любила она над книжками сидеть, хоть убей. Не умела «уплыть в строку и междустрочье», как умели это делать и мама с папой, и старшая сестра. Зато она любила их всех, и они ее любили. А у телевизора замереть, когда там какого-нибудь художника Любарова или композитора Губайдуллину показывали, она вместе с ними из обыкновенной семейной солидарности могла. Жалко ей, что ли? Пусть сама и не видела в этот момент никакого духа, и не чувствовала, но раз папа с мамой от него замирали, значит, он есть. А уж посидеть между папой и мамой, когда, к примеру, идет по телевизору концерт Андрея Макаревича, — воис-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тину бесценное удовольствие. В этом человеке, по их мнению, тоже дух присутствовал в огромном количестве, и они тихо переговаривались через голову Леси:

— Нет, это просто удивительно, Оленька... Послушаешь, вроде и голос у него так себе, правда? И музыка — не сказать чтоб шедевр, и внешность... Но ты посмотри, какое дивное сочетание стихов и музыки получается! Каково единение!

— Да. Да, Пашенька, ты прав, как всегда, — тихо качала головой мама, светлея лицом. — Настоящий талант в особой форме и не нуждается. Он сквозь эту форму перетекает целостностью, потому что просто присутствует. Духовная энергия через междустрочье стихов плещет и создает особую плотность восприятия.

Леся улыбалась блаженно, закрыв глаза и прижавшись к теплому маминому плечу, вслушивалась в отрывистые строчки про то, как певец на «кухне пил горький чай» и очень переживал за свою любимую, которая страсть как любила «летать по ночам» и могла в одночасье взять да и «забыть дорогу домой». А потом она чуть размыкала веки, чтоб взглянуть в лица родителей. О, это тоже было, между прочим, зрелище! Вот папа поворачивал голову, смотрел на маму... Так смотрел, будто это не песенная героиня,

Любовь не помнит зла

а мама только что вернулась из ночных полетов, целая и невредимая. Дорогу домой, слава богу, вспомнила. Такое вот счастье у папы на лице было написано. А Макаревич тем временем уже про другое пел...

Все это было хорошо, конечно. Тепло, светло и замечательно. Другое было плохо — носить нечего. С модной одеждой в их доме была катастрофа. Нет, попросить, конечно, можно было, они напряглись бы из последних сил, купили бы... Однако просить почему-то не хотелось. Не вписывались модные одежные просьбы в их быт. Хотя сестру Сашу, когда она поступила в университет, придели от души, чтоб не чувствовала себя новоявленная студентка неловко. Но опять же, отнеслись к процессу покупки одежек будто играючи, не придавая ему жизненной первостепенности. Леся, с завистью разглядывая Сашины обновки, в первый раз тогда пожалела, что вымахала на две головы выше — даже и костюмчика сестринского в школу надеть нельзя. Казалось бы, все для пятнадцатилетней девицы необходимое у нее было, но, если по совести, для полноценной жизни многого доставало. Не было, например, стильных джинсов со стразами, не было пиджаков модного цвета «фуксия», или тех же коротких платьев из цветастого легкого трикотажа, которые

ВЕРА КОЛОЧКОВА

так хорошо смотрятся с высокими сапогами из толстой кожи с расшитым цветными нитками голенищем. Собственно, и сапог у нее никаких тоже не было, а стояли в прихожей ботинки черные на среднем каблуке, удобные и прочные. Ноги в слякоть не промокали и то хорошо. Что еще нужно ребенку для счастья? Так мама искренне полагала. А папа так вообще от этого всего далек был — двадцать лет носил на работу один и тот же старенький костюмчик. Если бы в одночасье случилось чудо и утром на плечиках оказался другой костюм, новый и модный, папа бы и не заметил. Надел бы и пошел. И как прикажете признаваться им, родным и любимым, в своих низменных и совсем недуховных страстях?

С одеждой выручала подруга Верка из соседнего подъезда. Чистое золото была эта Верка. Хотя почему — была? Она и сейчас есть. Единственный оставшийся свидетель той спокойной и счастливой жизни рядом с мамой, папой и сестрой Сашей. Хотя Верка совсем тогда не считала, что Лесина семья представляла собой какую-то особенную ценность. Бедно жили. Что в этом хорошего-то? Потому, наверное, и Лесю жалела, и от души делилась модным гардеробом, на который не скупилась для подрастающей дочери Веркины родители. Бились в работе как рыбы